

АНАТОМИЯ ЕГИПЕТСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ*

© 2014 г. А. Коротаев, Л. Исаев

Произошедший в Египте 30 июня 2013 г. военный переворот, который его инициаторы именуют революцией, привел к тому, что на смену “Братьям-мусульманам” к власти снова пришли военные, осуществив тем самым контрреволюцию и вернув все на исходную позицию января 2011 г. Если успеху революции 2011г. способствовали внутриэлитный конфликт и образование оппозиционного альянса, то к 2013 г. ситуация изменилась с точностью до наоборот – представители мубараковской политической элиты вновь объединили свои силы против правящих исламистов, а внутри оппозиционного Хосни Мубараку “макроблока” наметился сильнейший раскол. Вышел наружу конфликт между Катаром, поддерживавшим “Братьев-мусульман”, и Саудовской Аравией, “спонсировавшей” вместе с Кувейтом и ОАЭ военный переворот. Египетская контрреволюция обнажила соперничество между Дохой и Эр-Риядом в борьбе за влияние в регионе.

Ключевые слова: Египет, армия, “Братья-мусульмане”, экономическая элита, революция, контрреволюция, ас-Сиси, Мурси, исламисты, Мубарак.

События последних месяцев в Египте все больше напоминают контрреволюцию – после свержения президента Мухаммеда Мурси к власти вновь возвращаются те политические силы, против которых была направлена Египетская революция 25 января 2011 г. При этом вряд ли стоит рассматривать контрреволюцию как нечто однозначно негативное, как это сейчас принято в среде египетской революционно настроенной молодежи. С нашей точки зрения, египетская контрреволюция имеет и много позитивных сторон (хотя она привела в последние месяцы к явному усилению авторитарных тенденций). Да, события эти вполне могут быть названы “контрреволюцией”, так как вернули к власти тот самый блок военных, экономических и бюрократических элит, который правил страной до революции 2011 г. Но, как нам уже доводилось показывать это ранее, правил он Египтом очень даже эффективно, обеспечивая последние годы перед революцией весьма успешное (в особенности на общемировом фоне) экономическое и социальное развитие страны [8, 9, 10, 15, 17, 18, 19, 21].

Конечно же, нельзя сказать, что Египет вернулся сейчас в ту же точку, в которой он находился до революции. При этом ряд новых обстоятельств явно

способствует дестабилизации режима. Речь идет прежде всего о радикализации движения “Братьев-мусульман” и появлении у них мощной медиа-поддержки в виде специального спутникового канала аль-Джазира “Мубашер Мыр”. Однако еще больше новых (появившихся в ходе египетской революции и контрреволюции) моментов, напротив, способствуют скорее стабилизации режима.

БОРЬБА ДВУХ ЭЛИТНЫХ ГРУПП

Египетская революция в 2011 г. смогла одержать неожиданно легкую победу во многом благодаря следующим двум обстоятельствам.

Первое – сильнейший внутриэлитный конфликт. Прежде всего – это конфликт между военными (“старой гвардией”) и экономической элитой (“молодой гвардией”), группировкой ведущих египетских бизнесменов во главе с Гамалем Мубараком [13]. Армейская верхушка контролировала (и контролирует) не только вооруженные силы Египта, но и значительную часть египетской экономики. Речь идет, помимо военных предприятий, и о больших земельных массивах, недвижимости, автозаправочных станциях, строительных и транспортных предприятиях, фабриках и заводах, выпускающих не только продукцию оборонного назначения, но и телевизоры, холодильники, макарон, оливковое масло, крем для чистки обуви и т.д.¹ Доли египетской экономики, контроли-

КОРОТАЕВ Андрей Витальевич, доктор исторических наук, зав. лабораторией НИУ ВШЭ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20 (akorotayev@gmail.com).

ИСАЕВ Леонид Маркович, старший преподаватель НИУ ВШЭ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20 (isleonid@yandex.ru).

*Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ При этом находящиеся в фактической собственности египетских военных предприятия обладают тем важным конкурентным преимуществом, что они могут пользоваться

руемой военными, оцениваются различными аналитиками в пределах от 10 до 40%² [24, 27, 29]. Эту группировку египетской элиты очень пугало возвышение “молодой гвардии” ведущих египетских бизнесменов под руководством Гамалья Мубарака. Ведь “молодая гвардия” контролировала экономический блок египетского правительства, которое проводило начиная с 2004 г. эффективные реформы, приведшие к заметному ускорению темпов роста египетской экономики. В июле 2004 г. на пост премьер-министра Египта был назначен Ахмед Назиф, собравший вокруг себя достаточно грамотную команду экономистов, со-товарищей Гамалья Мубарака, в большинстве своем получивших образование на Западе. Так, пост министра финансов достался Юсефу Бутрису-Гали, министра внешней торговли и индустрии – Рашиду Мухаммеду Рашиду, окончившему Гарвардскую бизнес-школу, портфель министра инвестиций получил в прошлом спецпредставитель президента при Всемирном банке Махмуд Мохи ад-Дин и т.д. Таким образом, финансово-экономический блок правительства постепенно переходил в руки “молодой гвардии”, что не могло не беспокоить военных.

“Последние несколько десятилетий, – пишет американский социолог Непштад, – египетские военные не тратили все свое время лишь на обеспечение национальной безопасности; они также приобрели ценную недвижимость и многочисленные предприятия. По некоторым оценкам, военные контролируют 40% экономики. Перед событиями 2011 г. египетские генералы выражали озабоченность планом президента Мубарака назначить Гамалья своим преемником. Многие были уверены, что если Гамаль станет президентом, он начнет осуществлять политику приватизации, которая приведет к демонтажу экономической империи египетских военных” [27, р. 489]. Действительно, были все основания ожидать, что ведущие египетские бизнесмены из круга Гамалья Мубарака в случае его прихода к власти “наложат руку” на собственность военных – благо и обосновать это было бы совсем не сложно ссылками на (вполне реальную) неэффективность использования соответствующих объектов собственности.

Подобное развитие событий становилось еще более вероятным, учитывая откровенное засилье “молодой гвардии” в Совете Шура и Национал-демократической партии, где ключевой пост ру-

ководителя политического комитета с 2002 г. сохранялся за Гамалем Мубараком. Неудивительно, что как только у военных появилась возможность расправиться с молодыми бизнесменами, их гнев был направлен прежде всего против правящей Национально-демократической партии (НДП).

Египетский *внутриэлитный конфликт* позволяет понять многие обстоятельства египетской революции, которые, на первый взгляд, могут казаться загадочными. Например, в течение всей революции армия достаточно эффективно охраняла все важные государственные объекты, жестко пресекая любые попытки протестующих их захватывать. Однако уже в самые первые дни революционных событий (28–29 января 2011 г.) армия позволила оппозиционным манифестантам захватить, разгромить и сжечь штаб-квартиру Национально-демократической партии. Но, если разобратся, то ничего странного в этом не было – ведь реальным руководителем этой партии был именно Гамаль Мубарак, а значит армейская верхушка руками протестующих наносила мощный удар по элитарной группировке своего заклятого врага [16].

В контексте до сих пор модного толкования египетских событий января–февраля 2011 г. как “противостояния революционных народных масс и авторитарного режима” очень странно выглядела знаменитая “Битва на верблюдах”. Напомним: протестующих на площади Тахрир пытались разогнать при помощи компании верблюжатников – работников туристических сервисов из района пирамид, занимавшихся прокатом для туристов лошадей и верблюдов. Верхом на верблюдах “всадники” атаковали протестующих, что и придало экзотический колорит как событиям 2 февраля, так и всей египетской революции.

Но если это и вправду было “противостояние народных масс и авторитарного репрессивного режима”, то зачем было этому режиму прибегать к такого рода непонятной “самодеятельности”, а не воспользоваться для разгона протестующих самым элементарным профессиональным репрессивным аппаратом? Все дело здесь как раз в том и состоит, что уже 2 февраля протестующим на Тахрире противостоял не профессиональный репрессивный аппарат, контролировавшийся “старой гвардией” и занявший скорее позицию доброжелательного нейтралитета по отношению к манифестантам, а группировка бизнес-элиты, которая данный аппарат не контролировала. Соответственно эта группировка была вынуждена бросить против манифестантов, которые требовали смещения ее лидера, полукриминальный эле-

практически дармовым трудом египетских военнослужащих-срочников.

² При этом последняя оценка представляется откровенно завышенной.

мент, нанятый на личные деньги бизнесменов [6, 15, 16]. Если бы протестующие на Тахрире подверглись удару государственных репрессивных сил, а не нанятых бизнесменами люмпенов, вряд ли результатом конфронтации была бы столь легкая “победа революционных масс”.

Спустя три дня после “Битвы на верблюдах”, хотя Хосни Мубарак остался председателем НДП, новым генеральным секретарем партии был назначен Хусам Бадрави, представитель ее либерального крыла, известный своими связями с оппозицией. Но важнее всего было то, что Гамаль Мубарак и его сторонник Сафват аш-Шериф, генеральный секретарь НДП, были сняты со своих партийных должностей, как основные организаторы и инициаторы столкновений.

Эти же “заслуги” припомнили военные Гамалю и его команде уже после отставки Хосни Мубарака, когда власть формально находилась в руках Высшего совета вооруженных сил под руководством Мухаммеда ат-Тантави. Так, уже в марте 2011 г. Следственный комитет при Высшем совете вооруженных сил Египта опубликовал отчет, переданный впоследствии Генеральному прокурору, относительно событий, развернувшихся на площади Тахрир 2 февраля 2011 г. В отчете было сказано, что “некоторые члены Национал-демократической партии во взаимодействии с бывшими членами парламента от НДП и офицерами полиции были причастны к подстрекательству дюжины головорезов на лошадях и верблюдах из туристической зоны неподалеку от пирамид Гизы атаковать участников демонстраций на площади Тахрир с применением холодного оружия с целью дискредитировать Мубарака и вынудить его покинуть свой пост” [6]³.

³ Причастными к организации стычки на Тахрире были Абдель Насер аль-Габри и Юсеф Хаттаб, депутаты от НДП в Народной ассамблее и Совете шура, представляющие округ Харам в Гизе. Как минимум, 26 участников столкновений, выступавших на стороне Мубарака, дали показания, что аль-Габри и Хаттаб платили каждому из нападавших 300 египетских фунтов (около 60 долл. США). Еще двумя бизнесменами из НДП, покрывавшими расходы на организованные Гамалем Мубараком и аш-Шерифом акции были Ибрагим Камель, multimиллионер, зарабатывающий на инвестициях в Египте, Великобритании и России, а также Мухаммед Абу Энейм, бывший председатель индустриального комитета в парламенте и председатель совета директоров *Cleopatra Group* [16]. Кроме того, причастными к событиям на площади Тахрир 2 февраля были министр трудовых ресурсов Айша Абдель Рахман и председатель египетской федерации профсоюзов Хуссейн Мегавер, которые “осуществляли поставки боеприпасов из южного каирского округа Маади для использования их верблюдниками на площади Тахрир против демонстрантов”. Они также сыграли свою роль в “транспортировке камней из

РОЖДЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Второе обстоятельство, обеспечившее неожиданно быстрый успех протестующих, – это создание широкого оппозиционного блока, в котором объединились и стали вполне скоординированно действовать левые молодые либеральные революционеры-секуляристы и исламисты [20, 22]. При этом исламисты во многом сыграли ключевую роль в успехе революции.

После того как Национальной ассоциацией молодежи была выбрана дата начала манифестаций, лишь две политические партии Египта подтвердили свое участие в демонстрациях: аль-Гад и Демократический фронт. Однако основной вопрос заключался в том, примут ли “Братья-мусульмане” участие в намеченных акциях протеста. Поскольку эта ассоциация была самой опытной, организованной и многочисленной оппозиционной силой в Египте, ее решение участвовать в демонстрациях во многом носило судьбоносный характер. Комментируя возможное участие “Братьев” в акциях протеста, намеченных на 25 января, член движения Кифайя и Национальной ассоциации перемен Карима аль-Хифнави назвал это “бесспорно положительным аспектом”, а также отметил, что даже если “Братья” обычно участвуют в протестах не как группа, а индивидуально, это служит катализатором к участию других оппозиционных групп [7].

20 января 2011 г. на сайте ад-Дустура появилось выступление одного из лидеров “Братьев-мусульман” Эссама аль-Ирьяни, в котором говорилось о том, что ассоциация не будет принимать участия в демонстрациях, запланированных Национальной ассоциацией перемен. Свою позицию “Братья” аргументировали в первую очередь тем, что инициатива вывести людей на улицы, исходившая из сети *Facebook*, была адресована не политическим

южного района Каира Маади, которые впоследствии были использованы верблюдниками против протестующих на площади Тахрир” [6]. В свою очередь поведение “молодой гвардии” выглядело ходом ва-банк: после обращения Хосни Мубарака к нации и его обещания не передавать власть своему сыну становилось все более очевидным, что, в отсутствие среди кандидатов на президентский пост Гамалю Мубарака, с большой долей вероятности место уходящего президента достанется выходцу из военной среды, что выглядело бы фатальным сценарием для “молодой гвардии”. Отсюда ее попытка воспользоваться ситуацией, когда к утру 2 февраля 2011 г. народ постепенно начал уходить с площади Тахрир, и окончательно “добить” протестующих, продемонстрировав тем самым свою политическую силу и амбиции.

партиям и движениям, а напрямую народу [12, 16]. В этой связи “Братья-мусульмане” приняли решение не участвовать в акциях протеста, как организованная группа, но эта позиция руководства ассоциации несколько не запрещала ее членам участвовать в демонстрациях индивидуально, что, собственно говоря, и произошло. Наконец, во второй половине дня 28 января 2014 г. “Братья-мусульмане” приняли официальное решение о полномасштабном присоединении к протестам.

Однако союз либеральных революционеров-секуляристов с исламистами кончился, как только общий враг был повержен. Первые дни послемубаракского Египта это отчетливо продемонстрировали. Уже на референдум по голосованию за Временную конституционную декларацию страны в марте 2011 г. исламисты и либералы шли как заклятые враги, заняв непримиримые позиции по отношению друг к другу. И если “Братья-мусульмане” призывали одобрить выносимый на референдум документ, то все потенциальные кандидаты в президенты светской ориентации – Мухаммед аль-Барадеи, Амр Мусса, Хишам Бастависи, Хамдин Сабахи – проголосовали против поправок к конституции.

Наблюдаемая же сейчас ситуация уже похожа на распределение сил в январе 2011 г. “с точностью до наоборот”.

Революция с последующей контрреволюцией привела к самому глубокому расколу среди январского (2011 г.) оппозиционного “макроблока”. При этом к расколу сразу по нескольким направлениям. Внутри этого макроблока расколотым оказался даже исламистский блок, ведь режим сейчас поддерживает вторая по силе исламистская партия – партия исламистов-фундаменталистов-салафитов Хизб ан-Нур, а также целый ряд видных исламистов. Поддержка секуляристско-военного режима египетскими исламистами-салафитами (то есть теми, кого у нас называют “ваххабитами”) требует отдельного комментария.

Здесь следует отметить, что салафиты, чья партия Хизб ан-Нур заняла второе место на парламентских выборах 2011–2012 гг., оказались в положении неопределенности. С одной стороны, поддержка контрреволюции и выступление против “Братьев-мусульман” гарантировали им право на дальнейшее существование в политической жизни страны (при этом, как мы увидим ниже, определенную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что в качестве основного внешнего спонсора Хизб ан-Нур выступает Саудовская Аравия [4, 23]). Более того, их главный

идеологический конкурент в лице “Братьев” был “смят” переходным правительством в последние несколько месяцев. Однако, с другой стороны, перспективы салафитов отнюдь не безоблачны: “Братья-мусульмане” дискредитировали саму идею исламистского правления в Египте (по крайней мере в Каире и наиболее модернизированной части страны). Если в преддверии выборов 2011–2012 гг. лозунг “Ислам – вот решение!” практически никем не оспаривался, то на сегодняшний день осознание краха этой идеи преобладает, как минимум, в Каире. Какую альтернативу в такой ситуации смогут предложить салафиты, пока не понятно. Во многом именно этим обусловлена та выжидательная позиция, которую на сегодняшний день занимают лидеры Хизб ан-Нур. Не исключено, что на ближайшие парламентские выборы салафиты пойдут с умеренной исламистской программой, похожей на ту, которая два года назад принесла успех контролируемой “Братями-мусульманами” Партии свободы и справедливости. Такой ход был бы вполне логичным: во-первых, Хизб ан-Нур подобрала бы часть электората запрещенных единомышленников, а во-вторых, она смогла бы сохранить значительную часть собственных избирателей, прежде всего в египетской глубинке [14].

Отдельного комментария заслуживает и то, что в июле 2013 г. Саудовская Аравия выступила в качестве верного союзника антиисламистского блока, включавшего в себя весьма широкий фронт сил – либералов, националистов, левых, ультралевых – вплоть до троцкистов [1, 2, 3, 26]. Дело в том, что для Саудовской Аравии “Братья-мусульмане” представляют собой самую реальную угрозу. Вспомним, что в 1937 г. у нас признать себя “славянофилом” было несравненно менее рискованным, чем “троцкистом” (при том, что для “внешнего мира” разница между сталинистами и троцкистами выглядит малозначительной). Так и для саудитов современные троцкисты – это какая-то малореальная экзотика; а вот “Братья-мусульмане” для них – практически то же, что троцкисты для Сталина, это именно те левые мусульмане, которые фактически ставят под сомнение легитимность их режима и предпринимают реальные усилия по его свержению [2, 3, 26]. И в такого рода контексте уже совершенно понятна готовность Саудовской Аравии (в альянсе с имеющими сходные проблемы ОАЭ и Кувейтом) блокироваться с кем угодно, включая антиисламистски настроенных либералов и коммунистов, не говоря уже о египетских военных и экономических элитах. Цель этого альянса –

ослабить “в его логове” того противника, который реально угрожает самому существованию аравийских монархических режимов (за исключением, естественно, катарской монархии). С другой стороны, как мы уже отмечали выше, египетским “ваххабитам” удаление “Братьев-мусульман” с легальной политической арены и объективно (вне связи с саудовскими интересами) весьма выгодно, поскольку позволяет значительно усилить свои позиции и в том числе потенциально еще больше расширить представительство в египетском парламенте в качестве теперь уж главной легальной исламистской партии страны.

Расколотым оказался и секуляристский лево-либеральный блок, большинство членов которого были столь напуганы годом правления “Братьев-мусульман”, что продолжают поддерживать режим. В целом оппозиционные силы остаются глубоко расколотыми – ведь выступающая против режима левая либерально-революционная молодежь решительно отказывается от какой-либо идеи нового блока с “Братями-мусульманами” – достаточно сказать, что один из их главных лозунгов – *Йаскут, йаскут илили хан, ин кана аскар ау ихван* переводится “Долой, долой всех тех, кто изменил – будь это военные или “Братья-мусульмане”.

ФИАСКО “БРАТСТВА”?

Падение режима М. Мурси было вполне закономерным. М. Мурси уже в первые месяцы своего правления вплотную столкнулся с необходимостью проведения крайне непопулярных мер по преодолению социально-экономического кризиса в стране. Сигналом того, к каким политическим последствиям это может привести, послужило голосование на референдуме в декабре 2012 г., когда поддержка “проталкиваемой” исламистами конституции была не столь очевидна, как это имело место, скажем, в марте 2011 г. на голосовании по принятию временной конституционной декларации или на парламентских выборах в декабре 2011 – январе 2012 г. “Братья-мусульмане”, став жертвой головокружения от успехов, отказались идти на компромисс с другими политическими силами Египта и вступать с ними в коалиции. Это во многом можно объяснить и тем, что у движения еще никогда не было опыта не только управления государством, но и участия в легальном политическом процессе. “Братство” за год своего правления настроило против себя практически все главные политические силы Египта, что и предопределило его падение.

Если понаблюдать за поведением основных египетских биржевых индексов, то можно выявить крайне интересные закономерности. Так, за два дня до начала протестов, направленных против президента Мурси, 24 июня 2013 г. главный египетский биржевой индекс *EGX-30* начал устойчиво расти: за период между этой датой и моментом закрытия торгов 2 июля 2013 г., то есть непосредственно перед свержением М. Мурси, он вырос более чем на 10% – с 4523 до 4986 пунктов, а сразу после переворота, 4 июля, – до 5335 пунктов (так что общий рост за период 24 июня – 4 июля составил 18%) [15]. Это свидетельствует о том, что уже перед самым свержением Мурси существовала информация о предполагаемой попытке смены власти в стране в совершенно определенном направлении, что и стимулировало биржевых игроков “вкладываться” в акции египетских компаний.

После победы “Братьев-мусульман” на парламентских выборах 2011–2012 г., прихода к власти М. Мурси, роспуска Высшего совета вооруженных сил и отстранения от должности министра обороны Мухаммеда Тантави и начальника генштаба Сами Аднана с последовавшими кадровыми перестановками в рядах военных ситуация стала угрожающей и для египетского генералитета. Уже к 2013 г., будучи одним из наиболее крупных “бизнесменов” страны, египетская армия наряду с уцелевшими в постмубараковское время бизнесменами, работавшими в “команде Гамала Мубарака”, осознали необходимость совместного противостояния “Братьям”, что подтверждается динамикой изменения египетских биржевых индексов после открытия торгов 24 июня 2013 г. [15].

Можно с большой долей вероятности утверждать, что за несколько дней до начала выступлений против президента М. Мурси уже поступила информация о том, что военные намерены установить свой контроль над страной, а в этом случае Египет получит долгожданный заем Арабского валютного фонда и других финансовых игроков Залива. В свою очередь гарантии притока валюты в страну стимулировали биржевых игроков к тому, чтобы вкладываться в египетские акции, и обеспечили рост биржевых индексов.

Еще одно важное обстоятельство: с момента ухода Х. Мубарака с президентского поста в Египте начали происходить перебои с бензином и электроэнергией, ситуация постоянно ухудшалась, достигнув к лету 2013 г. своей кульминации. Падение объемов добычи природного газа, снижение числа туристов, а соответственно и

притока иностранной валюты, падение курса египетского фунта – все это ограничивало способность правительства Х. Кандиля платить за топливо как импортированное, так и произведенное в стране международными нефтяными компаниями. Кроме того, на сложившуюся в сфере электроэнергетики ситуацию сильное влияние оказывали вопросы безопасности. Так, в начале июня 2013 г. две электростанции Египта в Банхе и Айн ас-Сохне не функционировали ввиду того, что правительство не смогло обеспечить безопасность их сотрудников. Уровень же национального потребления электроэнергии в Египте возрос к лету 2013 г. до 29 500 МВт в день, в то время как было произведено лишь 27 000 МВт в день [11]. На улицах страны начали появляться многокилометровые очереди к АЗС, феллахам все больше не хватало мощностей для ирригации и т.д.

Однако после переворота 3 июля 2013 г. ситуация заметно улучшилась, что также может служить косвенным подтверждением того, что в июне перебой с поставками топлива и электроэнергии были связаны и с прямым саботажем участвовавших в заговоре бизнесменов. Похоже, что имел место довольно высокий уровень спланированности и скоординированности событий, приведших к отставке президента М. Мурси.

В пользу этой точки зрения может говорить и тот факт, что после свержения М. Мурси пост исполняющего обязанности премьер-министра достался Хазему аль-Библави. Будучи юристом по образованию, он начинал свою карьеру в качестве советника министра финансов Кувейта в 70-х годах, а десять лет перед событиями “арабской весны” работал советником в Арабском валютном фонде в Дубае. Не исключено, что достижение договоренности о предоставлении Египту займа по линии данной организации было во многом его заслугой, в обмен на что он и получил пост премьера. Нельзя исключать и того, что назначение хорошо знакомого финансовым структурам Залива Хазему аль-Библави на пост премьера (или вице-премьера) в том правительстве, которое планировалось поставить у власти после переворота, было одним из условий гарантий предоставления “путчистам” нескольких миллиардов долларов сразу же после “июльской революции”.

Было бы неверно считать, что “Братья-мусульмане” проводили осознанно особую социально-экономическую политику, базировавшуюся на их идеологии. Это видно хотя бы из того, что аль-Библави, став премьером, фактически продолжил финансовую политику кабинета Х. Кандиля. Это хорошо видно на графиках, демонстрирующих

продолжившийся в июле 2013 г. темп роста эмиссии денежной массы, а также индекса потребительских цен [15].

Не менее важным для экономики Египта является и полученный при М. Мурси заем со стороны Катара: с апреля по май 2013 г. наметился рост золотовалютных резервов Египта, который достиг в мае отметки в 16.04 млрд. долл. США. Так, в начале апреля 2013 г. египетская правительственная делегация направилась в Доху, где было подписано соглашение об оказании катарцами финансовой помощи Каиру в размере 3 млрд. долл. США [5]. Аналогичную динамику демонстрируют и египетские биржевые индексы: в преддверии визита египетской делегации в Катар, 3 апреля 2013 г., *EGX-30* прекратил свое падение на отметке 4926.22 пункта.

Наконец, точку в правлении “Братьев-мусульман” поставил конфликт между Саудовской Аравией, к которой присоединились Кувейт, ОАЭ и Бахрейн, и Катаром наряду с Турцией, оказывавшей поддержку М. Мурси. Подтверждением этого служит тот факт, что сразу же после свержения М. Мурси и его ареста Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ заявили о предоставлении финансовой помощи Египту в размере 12 млрд. долл. США, большая часть из них – 5 млрд. долл. – должны поступить от Эр-Рияда, 4 млрд. – от Кувейта и на 1 млрд. меньше от ОАЭ. При этом предполагалось, что финансирование будет осуществляться тремя путями: посредством размещения депозитов в египетском Центральном банке, в форме поставки энергопродуктов, а также посредством прямых денежных переводов [25]. В принципе, данной суммы Египту должно было бы хватить как раз на полгода, то есть до планировавшихся на февраль 2014 г. выборов в Народную ассамблею, учитывая, что в канун выборов субсидии являются “священной коровой” для любой власти и не подвергаются сокращениям. Таким образом, одобренный вышеуказанными странами Персидского залива транш Египту имел под собой четко просматривающиеся политические цели.

Итак, *революция заставила египетскую экономическую элиту пойти на примирение с военными*, и в июне 2013 г. они уже выступили единым хорошо скоординированным фронтом, обеспечившим столь быстрое свержение Мурси [15]; и при этом никаких признаков нового раскола между двумя этими группировками египетской элиты пока не видно. Экономическая элита поняла, что продолжать какие-либо серьезные попытки захватить собственность военных “себе дороже”, что лучше признать доминирующее по-

ложение военных в правящем блоке, а также неприкосновенность их “экономической империи” (в том числе и путем конституционных изменений). Она поняла, что любые серьезные попытки выйти в правящем блоке на лидирующие позиции могут закончиться тем, что она потеряет несравненно больше, чем может приобрести⁴.

АРМИЯ ВЕРНУЛАСЬ. НАДОЛГО?

Другой вопрос – насколько прочным окажется нынешний союз армии и экономической элиты, уцелевшей с мубараковских времен. Очевидно, что в ближайшее время идти против военных не способен в Египте никто. Армия вновь популярна в стране фараонов. Возглавивший переворот министр обороны Абд аль-Фаттах ас-Сиси в отличие от своего предшественника поступил куда дальновиднее и предпочел увести военных “в тень”, выполняя роль “серого кардинала”, практически сразу же отдав бразды правления временному правительству. Уйдя тем самым из-под огня, ас-Сиси обеспечил неуязвимое положение военным, сохранив, однако, контроль над происходящим в стране. При таком раскладе вступать в противоборство с армией за лидирующие позиции в будущей политической элите страны выглядит самоубийством. Даже салафиты предпочли поступиться собственными принципами и встать на сторону ас-Сиси, нежели оказаться “смятыми” подобно тому, как это произошло с “Братьями”. Альянс же с военными для экономической элиты – “синица в руках”, гарантированная рента, которую египетский генералитет готов этой элите платить за лояльность.

С другой стороны, и военным сегодня необходима команда грамотных экономистов, чтобы вывести страну из глубокого финансово-экономического кризиса. При этом здесь очевиден конфликт между остатками мубараковской команды и левыми секуляристами, вроде Хамдина ас-Сабахи, чьи взгляды на программу экономических реформ диаметрально противоположны.

Вероятно, вектор дальнейшего экономического развития определен на ближайших выборах,

⁴ Потенциальный раскол в правящем блоке скорее связан с тем, что в него вошло и некоторое количество левых секуляристов (вспомним того же Хамдина Сабахи и его “Египетское народное движение” (*ат-Тайар аш-ша`бий аль-мисрий*)), а вот продолжение сотрудничества этой части правящего блока как с военной, так и [в особенности] с экономической элитой гарантировать несравненно сложнее – скорее можно ожидать, что между левыми и правыми секуляристами все-таки рано или поздно произойдет окончательный раскол.

победа на которых – риск для победителя; ведь роль арбитра, оценивающего эффективность претворяемой в жизнь социально-экономической политики, будет осуществлять армия. Именно ей за последние три года удалось извлечь максимальную выгоду как из революции, так и из контрреволюции: ослабив всех своих главных соперников от гамалевских бизнесменов до исламистов, военные укрепили свои позиции.

Новая египетская власть становится все более милитаризованной и авторитарной. Портреты президента ас-Сиси все чаще соседствуют с портретами лидера революции 1952 г. Гамалы Абделя Насера.

Реконструкция политической системы, начатая в Египте в 2011 г., все более явственно обнаруживает выход египетского общества в некоторых (хотя и не во всех) отношениях к той нулевой отметке, с которой собственно и начинались потрясения. 26–27 мая 2014 г. были проведены президентские выборы, в которых у маршала практически не было конкурентов. Амр Муса, аль-Барадеи, Абуль Футух и другие отказались от участия в президентской гонке, лидеры запрещенного движения “Братья-мусульмане” вообще не имели такой возможности. Военные через своего ставленника вновь получают президентское кресло, которое за исключением продлившегося лишь год правления М. Мурси, с 1952 г. принадлежало выходцам из армейской верхушки.

Но есть один любопытный нюанс: в соответствии с принятой в январе 2014 г. конституцией должность министра обороны выглядит заметно более привлекательной, нежели пост президента. Именно министр обороны является верховным главнокомандующим (ст. 201), он выведен из подчинения президенту (ст. 234) и подотчетен непосредственно председателю Высшего совета вооруженных сил (а эти две должности в Египте, как правило, совмещаются). Ввиду нестабильной ситуации в стране должность президента выглядит более уязвимой по сравнению с постом министра обороны во многом из-за того, что лидеру страны в ближайшее время предстоит провести ряд непопулярных социально-экономических реформ.

Интересный факт: в Конституции прописано, что особое положение министра обороны будет сохраняться на протяжении первых двух избирательных циклов (Ст. 234), то есть того периода времени, за который страна, как ожидается, должна будет выйти из затянувшегося социально-экономического кризиса. Поэтому можно полагать, что для ас-Сиси было бы выгоднее занять пост

президента после завершения двух избирательных циклов.

Позиция Высшего совета вооруженных сил Египта относительно президентского будущего ас-Сиси во многом объясняется тем, что для египетских генералов было выгодно выдвинуть своего человека на пост президента, “разыграв” между собой освободившуюся должность министра обороны. Все это может свидетельствовать о наличии борьбы интересов внутри армейской верхушки Египта, в которой существующее распределение сил оказалось, по мнению некоторых наблюдателей, не в пользу уже экс-министра обороны. При этом, выдвинув ас-Сиси на пост президента страны, военные при нынешней конституции получают возможность поставить нового президента под свой контроль, избавив себя тем самым от ситуации, при которой ас-Сиси мог бы проводить независимую от военных политику подобно тому, как это случилось в ходе правления Х. Мубарака, когда экономическая элита, окру-

жавшая его сына Гамалея, вступила в конфликт с армией.

Но и ас-Сиси не лыком шит. Перед уходом из правительства он успел назначить на важнейшую должность начальника штаба вооруженных сил генерала Махмуда Хегази, которого ранее он сделал руководителем военной разведки. Они родственники: дочь Хегази замужем за одним из трех сыновей ас-Сиси.

В целом, несмотря на стойкое сопротивление “Братьев-мусульман” “новому старому” египетскому режиму и неизбежные в ближайшие месяцы и годы самые серьезные финансово-экономические проблемы (и связанной с этим необходимостью непопулярных социально-экономических мер), он пока обладает достаточно высокой устойчивостью благодаря успешному преодолению конфликта между военной и экономической элитами страны и сохраняющемуся глубочайшему расколу среди сил, оппозиционных режиму ас-Сиси.

REFERENCES

1. Abdel Kouddous S. What Happened to Egypt's Liberals After the Coup? *The Nation*, 2013. Available at: <http://www.thenation.com/article/176445/what-happened-egypts-liberals-after-coup#> (accessed 12 January 2014).
2. Al-Alawi I., Schwartz S. Saudi Arabia Moves Against Muslim Brotherhood Amid Increased Pressure for Reform. *The Weekly Standard*, 09.10.2013. Available at: http://www.weeklystandard.com/blogs/saudi-arabia-moves-against-muslim-brotherhood-amid-increased-pressure-reform_762334.html (accessed 12 January 2014).
3. Baer R. Why Saudi Arabia is Helping Crush the Muslim Brotherhood. *New Republic*, 26.08.2013. Available at: <http://www.newrepublic.com/article/114468/why-saudi-arabia-helping-crush-muslim-brotherhood> (accessed 10 January 2014).
4. Daou M. How Saudi Petrodollars Fuel Rise of Salafism. *France24*, 30.09.2014. Available at: <http://www.france24.com/en/20120929-how-saudi-arabia-petrodollars-finance-salafist-winter-islamism-wahhabism-egypt/> (accessed 10 January 2014).
5. Daragahi B. Qatar Gives Egypt \$3 bn Aid Package. *Financial Times*, 10.04.2013. Available at: http://www.ft.com/cms/s/0/790a7d52_a1f4_11e2_8971_00144feabdc0.html#axzz2e5gDeWxu (accessed 11 January 2014).
6. Essam El-Din G. NDP's Battle of the Camel. *Al-Ahram Weekly*, 17–23 March 2011, no. 1039.
7. Fahmy H. Muslim Brotherhoods Reconsiders Refusal to Participate in Jan 25 Demo. *Daily Egypt*, 21 January 2011.
8. Grinin L.E. Arabskaja vesna i rekonfiguracija Mir-sistemy. [Arab Spring and Reconfiguration of the World-system]. *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaya vesna 2011 goda* [Sistem Monitoring of Global and Regional Risks: Arab Spring of 2011]. Moscow, Librokom, 2012, pp. 188-223. (Гринин Л.Е. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. Москва, Либроком, 2012, сс. 188-223.)
9. Grinin L., Korotayev A. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures*, 2012, vol. 68, no. 7, pp. 471-505.
10. Grinin L.E., Korotayev A.V. *Tsikly, krizisy, lovushki sovremennoi Mir-sistemy. Issledovanie kondrat'evskikh, zhjugjarovskikh i vekovykh ciklov, global'nykh krizisov, mal'tuzianskikh i postmal'tuzianskikh lovushek*. [Cycles, Crises, Traps of the Modern World-System. Research of Kondratieff, Juglyar and Age Old Cycles, Global Crises, Malthusian and Postmalthusian Traps]. Moscow, Librokom, 2012. (Гринин Л.Е., Коротаев А.В. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. Москва, Либроком, 2012.)

11. Ismail A. With Electricity and Water in Short Supply, Egyptians Grow Tense. *McClatchyDC*, 24.06.2013. Available at: http://www.mcclatchydc.com/2013/06/24/194616/with_electricity_and_water_in.html#.UjIWMFHnCNg (accessed 12 January 2014).
12. Isaev L.M. Demokraticeskaya zima v Severnoj Afrike [Democratic Winter at the Northern Africa]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2011, no. 3, pp. 176-189. (Исаев Л.М. Демократическая зима в Северной Африке. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 2011, № 3, сс. 176-189.)
13. Isaev L.M. Gruppy riskov politicheskoj nestabil'nosti v Egipte [Risks Groups of the Political Stability in Egypt]. *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaja vesna 2011 goda* [System Monitoring of Global and Regional Risks: Arab Spring of 2011]. Moscow, Librokom, 2012, pp. 275-286. (Исаев Л.М. Группы рисков политической нестабильности в Египте. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. Москва, Либроком, 2012, сс. 275-286.)
14. Isaev L.M. Generaly ushli, generaly vernulis': egipetskoj revolucii tri goda [Generals are gone, generals are back: Three Years of the Egyptian Revolution]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2014, no. 1. (Исаев Л.М. Генералы ушли, генералы вернулись: египетской революции три года. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 2014, № 1.)
15. Isaev L.M., Korotaev A.V. Egipetskij perevorot 2013 goda: opyt jekonomitricheskogo analiza [Egyptian Coup 2013: An Experience of Econometric Analysis]. *Azija i Afrika segodnja*, 2014, no. 2, pp. 14-20. (Исаев Л.М., Коротаев А.В. Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа. *Азия и Африка сегодня*, 2014, № 2, сс. 14-20.)
16. Isaev L.M., Shishkina A.R. *Egipetskaja smuta XXI veka* [Egyptian Distemper of the XXI Century]. Moscow, Librokom, 2012. (Исаев Л.М., Шишкина А.Р. *Египетская смута XXI века*. Москва, Либроком, 2012.)
17. Korotaev A.V., Hodunov A.S., Burova A.N., Malkov S.Ju., Halturina D.A., Zin'kina Ju.V. Social'no-demograficheskij analiz Arabskoj vesny [Social and Demographics Analysis of the Arab Spring]. *Sistemnyj monitoring global'nykh riskov: Arabskaja vesna 2011 goda* [System Monitoring of Global and Regional Risks: Arab Spring of 2011]. Moscow, Librokom, 2012, pp. 28-76. (Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В. Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*. Москва, Либроком, 2012. сс. 28-76.)
18. Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda [Egyptian Revolution of 2011]. *Azija i Afrika segodnja*, 2011, no. 6, pp. 10-16. (Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня*, 2011, № 6, сс. 10-16.)
19. Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: sociodemograficheskij analiz [Egyptian Revolution 2011: Socio-Demographic Analysis]. *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*, 2011, vol. 4, no. 2, pp. 5-29. (Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории*, 2011, т. 4, № 2, сс. 5-29.)
20. Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda. Strukturno-demograficheskij analiz [Egyptian Revolution of 2011. A Structural-Demographic Analysis]. *Asiia i Africasegodnja*, 2011, no. 7, pp. 15-21. (Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня*, 2011, № 7, сс. 15-21.)
21. Korotaev A., Zin'kina Ju. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar*, 2011, no. 13, pp. 139-169.
22. Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Strukturno-demograficheskie faktory Arabskoj vesny [Structural and Demographics Factors of the Arab Spring]. *Protestnye dvizheniya v arabskikh stranakh. Predposylki, osobennosti, perspektivy* [Protests Movements in the Arab Countries. Preconditions, Peculiarities, Perspectives]. Moscow, Librokom, 2012, pp. 28-40. (Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Структурно-демографические факторы "арабской весны". *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы*. Москва, Либроком, 2012, сс. 28-40.)
23. Lavizzari A. The Arab Spring and the Funding of Salafism in the MENA Region. *International Security Observer*, 22.05.2013. Available at: <http://securityobserver.org/the-arab-spring-and-the-funding-of-salafism-in-the-mena-region/> (accessed 15 January 2014).
24. Marshall S., Stacher J. Egypt's Generals and Transnational Capital. *Middle East Report*, 2012. Available at: <http://www.merip.org/mer/mer262/egypts-generals-transnational-capital> (accessed 15 January 2014).
25. Mustafa H., Flanagan B. Gulf's \$12 bn Aid to Egypt Seen as "Lifeline", Not a Cure. *Al Arabiya News*, 11.07.2013. Available at: http://english.alarabiya.net/en/business/economy/2013/07/11/Gulf_s_12bn_aid_to_Egypt_seen_as_lifeline_not_a_cure.html (accessed 12 January 2014).

26. Nasr V.R. Islamic Comrades No More. *The New York Times*, 28.10.2013. Available at: http://www.nytimes.com/2013/10/29/opinion/international/nasr-islamic-comrades-no-more.html?_r=0 (accessed 15 January 2014).
27. Nepstad S.E. Nonviolent Resistance in the Arab Spring: The Critical Role of Military-Opposition Alliances. *Swiss Political Science Review*, 2011, vol. 17, no. 4, pp. 485-491.
28. Roy D.A. The Hidden Economy in Egypt. *Middle Eastern Studies*, 1992, vol. 28, no. 4, pp. 689-711.
29. Tadros S. Egypt Military's Economic Empire. *Al Jazeera in Depth*, 15.02.2012. Available at: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2012/02/2012215195912519142.html> (accessed 9 January 2014).

ANATOMY OF THE EGYPTIAN COUNTERREVOLUTION

(MEMO Journal, 2014, no 8, pp. 91-100)

KOROTAEV Andrej Vital'evich, Doctor of History, Head of Research Group, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation, 101000 Moscow, Myasnitskaya ul., 20 (akorotayev@gmail.com).

ISAEV Leonid Markovich, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation, 101000 Moscow, Myasnitskaya ul., 20 (isleonid@yandex.ru).

The authors analyze roots, causes and implications of both major political events that took place in Egypt in the last three years, namely the Tahrir Revolution of 2011 and what they call the Counterrevolution of 2013. Focus of the article is on the role of the military and the Islamists. The young educated democrats of middle class who initiated the revolution in 2011 under the slogans of combatting autocratic and corrupt government were joined by the poverty-stricken population of Cairo, by the desolate and unemployed and – what was especially important – by the Muslim Brotherhood. This combination of forces proved too strong for the army and government, Mubarak had to resign. But the urban poor who played a decisive role in the victory of the revolution had always been under a very strong influence of the Muslim Brotherhood, so it was inevitable that free and fair elections would bring the Islamists to power. Morsi became President. The Islamists, however, made a number of grave mistakes while in power, and the old elites, both economic and military/bureaucratic, did their best to sabotage the government policy. At last the army (supported by the Egyptian economic elites) came on top, so both the Muslim Brothers and the young secular democrats have lost.

Keywords: Egypt, Army, Muslim Brotherhood, Economic Elite, Revolution, Counterrevolution, al-Sisi, Morsi, Islamists, Mubarak, Saudi Arabia, Qatar.